

О. ИНШАКОВ,  
доктор экономических наук,  
профессор, ректор Волгоградского  
государственного университета,

Д. ФРОЛОВ,  
доктор экономических наук,  
завкафедрой маркетинга и рекламы  
Волгоградского государственного университета

## ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Первый в истории человечества глобальный экономический кризис выявил идейное банкротство неоклассической теории, девальвировав накопленный ею репутационный капитал, подорвав доверие к методологическим постулатам и лишив ее, казалось бы, незыблемого статуса мейнстрима экономической науки<sup>1</sup>. На смену «однополярному миру» господства неоклассики на наших глазах приходит «многополярная» экономическая теория. В этих условиях на первый план выдвигаются альтернативные и периферийные течения, но именно институционализму предстоит реализовать исторический шанс — утвердиться в качестве лидирующего научного направления, в наибольшей степени влияющего на экономическую теорию, практику и политику.

Закономерным представляется новый виток дискуссий о специфике современного состояния и перспективах развития экономического институционализма в России, противоречиях и эвристическом потенциале его методологии и категориального аппарата. Начавшееся обсуждение этих проблем на страницах журнала «Вопросы экономики»<sup>2</sup> призвано дать новый импульс институционализации самой институциональной экономической теории путем формирования и закрепления продуктивных научных конвенций, позволяющих преодолеть сложившиеся методологические и терминологические «ловушки».

Пока в ходе дискуссии выявились два вектора позиционирования ее участников. Если А. Московский отстаивает необходимость возрождения методологических традиций классического («старого») институционализма, то Е. Попов и А. Сергеев выступают за активное развитие «новой» институциональной экономической теории, особенно

---

<sup>1</sup> Широкий резонанс вызвала чрезвычайно убедительная критика неоклассиков Нобелевским лауреатом П. Кругманом. По его образному выражению, они фактически «приняли за истину красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками» (*Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong // The New York Times Magazine. 2009. September 2*). Но, конечно, призыв к преодолению чрезмерной формализации экономических исследований не должен восприниматься как отказ от дальнейшего развития математической экономики. Необходимо расширять ее философско-методологические и экономико-теоретические основы.

<sup>2</sup> См.: *Московский А.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // *Вопросы экономики.* 2009. № 3; *Попов Е., Сергеев А.* Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // *Вопросы экономики.* 2010. № 2.

методов математического моделирования институтов. Однако «старое» и «новое» — неразрывное единство противоположностей в целостной институциональной экономической теории, лишь отражающее ее эволюцию. «Область пересечения» размышлений авторов обусловлена неоднозначностью трактовки базового понятия «институт» и необходимостью синтеза его определений.

### Институция — «ключ» к пониманию институтов

Сам термин «институционализм», по словам Е. Майбурда, «основан на понятиях „институция“ (обычай, заведенный порядок) и „институт“ (порядок, закрепленный в форме закона или учреждения). Впрочем, часто „институтами“ называют и то, и другое»<sup>3</sup>. Такое неэффективное конвенциональное равновесие сложилось эволюционно под влиянием гносеологического эффекта *path dependence*, то есть инерционной зависимости категориальной системы российского институционализма от условий и траектории его развития. Но *практика словоупотребления не может служить основой формирования научного языка*, главное требование к которому — однозначная определенность. Это в полной мере относится и к языку современной институциональной теории.

Основополагающий для экономического институционализма термин «*institution*» в 1970—1980-х годах переводился на русский язык двояко: и как «институция» (В. Афанасьев)<sup>4</sup>, и как «институт» (С. Сорокина)<sup>5</sup>. Но наибольшее распространение получил именно второй, неточный вариант перевода, поскольку он использовался в первом русскоязычном издании классического труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (1984 г.). Как отмечалось в предисловии к этой книге, «термин „институционализм“ связан с двумя понятиями: „институция“ — установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и „институт“ — закрепление обычаев и порядков в виде закона или заведения. Разделение этих понятий довольно условное, поскольку в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание»<sup>6</sup>. На основании этого небрежного вывода институции в тексте Веблена стали институтами...

Подход Сорокиной закрепился в качестве традиции и впоследствии отразился в переводах трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и др.<sup>7</sup>, в оригинале посвященных именно институциям (*institutions*), а не институтам (*institutes*). Даже в «вольном» переводе нобелевской

---

<sup>3</sup> Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, 1996. С. 496.

<sup>4</sup> См.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: В 4-х т. Т. 2: Индивидуальное производство — Мюрдаль / Под ред. А. М. Румянцева. М.: Совет. энцикл., 1975. С. 28.

<sup>5</sup> См.: Сорокина С. Г. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса» (вступительная статья) // Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

<sup>6</sup> Там же. С. 6.

<sup>7</sup> См., напр.: Бест М. Новая Конкуренция. Институты промышленного развития. М.: ТЕИС, 2002; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003; Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.

лекции Норта «институцию» заменили на «институт»<sup>8</sup>. В свою очередь, научные редакторы русского перевода фундаментального труда Э. Фуруботна и Р. Рихтера, критикуя распространенную несогласованность позиций теоретиков институционализма и переводчиков специальной литературы, все же не устояли под давлением стереотипов и вынесли в названии книги слово «институты» вместо «институции»<sup>9</sup>. Заметим, что в зарубежной институциональной теории основной категорией является «институция» (*institution*), а термин «институт» (*institute*) имеет ограниченную сферу применения и практически не употребляется в научных текстах. Попытка содержательно разграничить рассматриваемые категории впервые предпринята в России<sup>10</sup>, однако не была воспринята. Породило ли это проблему для теории?

Безусловно, породило. Исторически сложившиеся неэффективные нормы употребления и укоренения некорректных понятий под влиянием эффектов координации, обучения, сопряжения и инерции<sup>11</sup> имеют тенденцию перерастать в гносеологические институциональные «ловушки»<sup>12</sup>, порождая новые и усугубляя сложившиеся методологические противоречия.

Такие «ловушки» в современной экономической теории связаны с инерцией в разграничении и определении понятий предприятия и фирмы<sup>13</sup>; затрат, издержек и расходов<sup>14</sup>; стоимости и ценности; института и институции; продукта и товара; бренда, товарного знака и торговой марки и др. Подчеркнем: *в научном языке не может быть синонимов*. В этом состоит его принципиальное отличие от бытового, повседневного языка. В научной теории каждому явлению должно соответствовать единственное понятие как заверченный, признанный и укорененный результат синтеза его многих определений.

Поэтому мы настаиваем на необходимости *разграничения институций и институтов*. Этот методологический «переход» может вывести институциональную экономическую теорию на качественно новый уровень развития. И для него уже сложились все необходимые и достаточные условия. Все чаще предпринимаются попытки категориальной спецификации институций и институтов.

Так, В. Зотов, В. Пресняков и В. Розенталь предлагают понимать под институциями «обычай, традиции, правила и нормы

<sup>8</sup> См.: North D. C. Economic Performance through Time: Prize Lecture. Lecture to the Memory of Alfred Nobel, December 9, 1993. nobelprize.org/nobel\_prizes/economics/laureates/1993/north-lecture.html. Ср.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5-ти т. Т. V: Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004. С. 709.

<sup>9</sup> См.: Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.

<sup>10</sup> См.: Инишаков О. В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9.

<sup>11</sup> См.: Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2.

<sup>12</sup> См.: Фролов Д. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // Вопросы экономики. 2008. № 11.

<sup>13</sup> См.: Инишаков О. В. Предприятие и фирма: выход из заблуждений в русле эволюционной экономической теории // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008. № 2 (Сер. 3: Экономика, экология).

<sup>14</sup> См.: Инишаков О. В., Чернавин Д. А. Факторная система показателей фирмы в контексте эволюционной экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 19.

социального поведения, согласно которым люди действуют в разных сферах жизни общества (включая экономическую) именно в силу своей причастности к институтам»<sup>15</sup>, а институты рассматривать как «специфические функциональные и организационные формы коллективной деятельности, являющиеся устойчивыми структурными образованиями»<sup>16</sup> и обеспечивающие реализацию системных функций экономики. В теории институциональных «матриц» С. Кирдиной институции связываются с «формализацией необходимых правил, обеспечивающих выживание и развитие экономики... С этой точки зрения институции можно считать артефактами, искусственно создаваемыми конструкциями»<sup>17</sup>, что, на наш взгляд, недостаточно обосновано. В свою очередь «институты, являясь социальными структурами, присущи обществам и направлены на организацию не только экономики, но и всей социальной системы»<sup>18</sup>. Здесь справедливо акцентируется организационная, социально-структурная природа институтов в отличие от социально-функциональной сущности институций<sup>19</sup>. Но, как справедливо считает Т. Гайдай, именно «институция — это основной объект исследования, центральная категория и аналитический инструмент институциональной теории»<sup>20</sup>.

Однако хотя опубликованы многочисленные статьи и книги<sup>21</sup>, в которых приводится множество убедительных доводов в пользу отказа от отождествления институций и институтов, эта позиция с большим трудом проникает в массовое сознание сообщества российских экономистов институционального «профиля». Сила научной инерции огромна, и все же, будем надеяться, преодолима.

Отправной пункт формирования категориальной системы институциональной экономической теории — *эндогенизация институции*. Но предпринятые немногочисленные попытки эндогенизировать ин-

---

<sup>15</sup> Зотов В. В., Пресняков В. Ф., Розенталь В. О. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 53.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Кирдина С. Г., Малков С. Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие: Материалы 7-го Международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007 г., Московская область, г. Пушкино / Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 167–168.

<sup>18</sup> Там же. С. 168.

<sup>19</sup> В монографии «Лингвистика институциональной экономики» (Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010) авторы данной статьи на основе ранее осуществленных исследований приводят словники институций в древнем (около 600 слов) и современном (около 2000 слов) русском языке, что создает значительную эмпирическую базу для дальнейших междисциплинарных исследований институциональной реальности.

<sup>20</sup> Гайдай Т. В. Институция как инструмент институционального экономического анализа // Экономическая теория (Украина). 2006. № 2. С. 54.

<sup>21</sup> См., напр.: Иншаков О. В., Фролов Д. П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 4 т. Т. 1. М.: Экономистъ, 2007; Иншаков О. В., Белобородько А. М., Фролов Д. П. Биржа: эволюция экономического института. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008; Аленичев В. В., Иншаков О. В., Фролов Д. П. Введение в институциональную экономическую теорию страхования. М.: Книжная редакция «Финансы», 2007; Иншаков О. В., Фролов Д. П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2-х т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002; Иншаков О. В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации; Фролов Д. Институциональная эволюция постсоветского институционализма // Вопросы экономики. 2008. № 4.

ституциональный фактор (Р. Камерон, А. Филипенко и др.) носили произвольный характер, не имея адекватного логического обоснования<sup>22</sup>. В создании любого продукта человеческой деятельности наравне с предметными, трансформационными факторами — человеческим, техническим и материальным — участвуют трансакционные факторы производства, в состав которых институция входит наряду с организацией и информацией<sup>23</sup>. Среди экономистов о целесообразности эндогенизации институции писали Фуруботн и Рихтер<sup>24</sup>; этот тезис актуализировал М. Аоки<sup>25</sup> и поддержал Г. Клейнер<sup>26</sup>.

Институции — это *социальные формы функций субъектов, объектов, процессов и результатов экономической деятельности*, обеспечивающие эволюцию системы общественного разделения труда на основе статусов, норм, правил, инструкций, регламентов, контрактов, стандартов и порядков<sup>27</sup>. Не случайно Дж. Серл понимает институции как «статусные функции»<sup>28</sup>, поскольку социальное закрепление функций означает признание за их носителями определенных статусов. Если пользоваться формулировками К. Маркса и Веблена, институции представляют собой «различные общественные функции» или «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»<sup>29</sup>, утверждающие в своих агентах «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»<sup>30</sup>. Именно *функционализм* следует признать методологической основой изучения экономических институций, тогда как парадигма структурализма наиболее адекватна задачам исследования институтов.

Институция выступает объективно необходимой движущей силой любой конкретной деятельности, это базовая категория институциональной теории. Институты — более сложное явление, нежели институции. Перефразируя Маркса, современные институциональные экономисты рассматривают основную методологическую проблему институционализма в сложной форме, не разрешив ее в элементарной

<sup>22</sup> См., напр.: *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001. С. 33; *Филипенко А. С.* Экономическое развитие: цивилизационный подход. М.: Экономика, 2002. С. 67.

<sup>23</sup> См. подробнее: *Инишаков О. В.* Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. Введение институции в состав эндогенных переменных производственной функции позволяет, в частности, содержательно развить социологическую теорию действия Т. Парсонса (*Inshakov O. The Theory of Human Action and Economic Genetics // The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 159–170*).

<sup>24</sup> *Фуруботн Э. Г., Рихтер Р.* Указ. соч. С. 10.

<sup>25</sup> См.: *Aoki M.* Endogenizing Institutions and Institutional Changes // *Journal of Institutional Economics.* 2007. Vol. 3, No 1.

<sup>26</sup> См.: *Клейнер Г. Б.* Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // *Российский журнал менеджмента.* 2006. Т. 4, № 1. С. 114, 120.

<sup>27</sup> См., например: *Инишаков О. В.* Homo institutus — субъект социально освященного действия // *Homo institutus — Человек институциональный* / Под ред. д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005; *Инишаков О., Фролов Д.* Место институционализма в экономической науке // *Экономисть.* 2005. № 10.

<sup>28</sup> *Серл Дж.* Что такое институт? // *Вопросы экономики.* 2007. № 8. С. 17.

<sup>29</sup> *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I, кн. I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1951. С. 493.

<sup>30</sup> *Веблен Т.* Теория праздного класса. С. 201.

форме. Чтобы понять институты, нужно сначала *осознать сущность лежащих в их основе институций*.

Суть институции — закрепляемый ею образ действия, производным от которого является образ мышления ее агентов. На это указывает и этимологическое значение данного слова (от лат. *institutio*) — устройство, образ действия, наставление, учение, указание<sup>31</sup>. Поэтому институцию следует понимать как форму социализации функции и как свод, систему знаний по осуществлению этой функции, как ее описание для передачи информации о ней, для обучения, для формирования компетенций агента, способного выполнять данную функцию в системе правил, норм, конвенций, инструкций, санкций, обычаев, традиций и т.п. Приближается к такому пониманию Московский, отстаивая классическое «определение института как „способа думать и действовать“ (Веблен), встроенного в „коллективное, совместное действие“ (Коммонс)»<sup>32</sup>. Но нельзя забывать и о том, что в конечном итоге все институции и институты выражаются в системе правил и норм, хотя признание их содержанием институциональных явлений трудно признать методологически корректным.

Действительным содержанием институции является социально укорененное, типичное, обособленное действие, способное закрепиться в качестве постоянно воспроизводимой функции индивидуальных и коллективных субъектов, которые становятся представителями (агентами) данной институции. В этом контексте наполняются новым смыслом слова Веблена о том, что «экономическое действие должно быть предметом науки, если [эта] наука хочет занять место в ряду эволюционных наук»<sup>33</sup>, а достижения социологов в развитии теории действия нуждаются в осмыслении экономистами. При потере отдельными социализированными функциями общего значения и масштаба они возвращаются в состав случайных, спонтанных или скоротечных действий, частично теряя свою социальную ценность. Они перестают быть институциями, трансформируясь в обычные промежуточные действия, устойчиво не разделяющие и не объединяющие индивидов и их группы по месту и роли в системе общественного бытия<sup>34</sup>. Развитие экономического институционализма имеет смысл и *на основе теории общественного разделения и кооперации труда*, «поднятой» на качественно новый уровень за счет концепций эндогенности институций, транзакционных издержек, информационной асимметрии, ограниченной рациональности, контрактации и др.

Универсальность хозяйственной деятельности осуществляется, закрепляется и развивается в общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидам, их группам и со-

---

<sup>31</sup> См.: *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1986. С. 410; *Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А.* Lingua Latina. Латинско-русский словарь. Ок. 13 000 слов. М.: Флинта; Наука, 1998. С. 155.

<sup>32</sup> *Московский А.* Указ. соч. С. 123.

<sup>33</sup> *Веблен Т.* Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4, № 2. С. 106.

<sup>34</sup> См.: *Иншаков О. В.* Введение // *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX—XXI вв.): В 4 т. Т. 1. М.: Экономистъ, 2007. С. 31.

обществам. Социальное (имплицитное или эксплицитное) закрепление конкретных форм деятельности за индивидом или группой осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она фактор и процесс создания и закрепления статусов субъектов, объектов, сред, процессов и продуктов экономической жизни общества<sup>35</sup>. В свою очередь, *конституция есть высшая форма институции*, обеспечивающая социальное закрепление всеобщих функций членов общества. На основе конституции происходят координация и коэволюция институций и институтов общества.

Институциональный фактор — объективно необходимый элемент любого акта и процесса человеческой деятельности, особый вид эндогенных продуктивно действующих сил, обеспечивающий дифференциацию и типизацию производительных функций агентов в ходе общественного разделения труда; их индивидуальное и групповое социальное закрепление в нормах, правилах, договорах и порядках совместной деятельности; а также интеграцию и стратификацию субъектов экономических отношений по их статусу и роли в системе общественного воспроизводства. Не только агенты и их группы, но и предметы, вещи как объекты экономических отношений, по словам Маркса, буквально «призываются» обществом «к функциям, соответствующим их идее и назначению»<sup>36</sup>. Любые элементы окружающего нас предметного мира и, шире, экономического пространства, созданного целенаправленной человеческой деятельностью, имеют определенные социально признанные функции, определяющие их статусы в хозяйственной системе<sup>37</sup>. Не менее значима роль институциональных процессов, в том числе трансакций, процедур, ритуалов, церемоний, обрядов и т. д. Все они связаны с согласованным осуществлением определенных институций в заданном временном диапазоне, фиксируя или подтверждая статусы их агентов, а также отражая их изменения. Таким образом, сущность институций можно системно осмыслить только в единстве субъектных, объектных (предметных) и процессуальных форм их проявления.

Как заметил Парсонс, «любая функция, твердо установленная экономическим разделением труда (как институция. — *О. И., Д. Ф.*), оказывается связанной с институционально определенными ролями»<sup>38</sup>, основанными на присваиваемом институцией статусе. Поэтому институциональный подход предполагает, что мы рассматриваем любое общественное явление «как имеющее определенный статус и с этим статусом — определенную функцию»<sup>39</sup>.

<sup>35</sup> См.: *Инишаков О. В.* Институты и институции в современной экономической теории // Вестник Волгоградского государственного университета. 2007. № 11 (Сер. 3: Экономика, экология).

<sup>36</sup> *Маркс К.* Указ. соч. С. 190.

<sup>37</sup> См. подробнее: *Инишаков О. В., Фролов Д. П.* Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1; *Фролов Д. П.* Институциональный подход в теории и практике региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 25.

<sup>38</sup> *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. С. 337.

<sup>39</sup> *Searle J. R.* Social Ontology and Political Power. 2003. [www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf](http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf). P. 7.

### Институции и институты: логика системной взаимосвязи

Нечеткость и неустойчивость понятий, описывающих институциональную реальность, порождает их многозначность и смысловую неопределенность. В частности, «понятие „институт“ относится к числу комплексных, гетерогенных категорий. Институтами считают и разделение труда, и право собственности, и деньги, и фирму, и государство...»<sup>40</sup>. В итоге, действительно, «не всем оно покажется убедительным»<sup>41</sup> и достаточно операциональным.

Наиболее общие категории экономической науки зачастую относятся к разным уровням экономической реальности<sup>42</sup>. Парадоксально, но институт как категория выводится не прямо из институции, а лишь опосредованно — через организацию. На это кажущееся противоречие обращали внимание зарубежные исследователи, вынужденные констатировать, что «современная институциональная экономическая теория изучает как институты (в оригинале — институции. — О. И., Д. Ф.), так и организации, то есть институты *sine* [без] людей и *cum* [включая] людей»<sup>43</sup>.

С институциональной точки зрения *организации* — это функционирующие комплексы комплементарных институций, осуществляемых их агентами в интегрированной системе правил и норм. Не случайно «часто организации трактуют как системы ролей — устойчивых совокупностей функций, которые должен выполнять человек, принявший на себя некоторую роль»<sup>44</sup>. Благодаря слиянию социальных форм функции и структуры, экономические организации можно понимать по М. Портеру как «комбинации отдельных видов деятельности, выступающие в качестве источника получения конкурентного преимущества»<sup>45</sup>, то есть как обособленные системы воспроизводства институций.

Именно поэтому нередко «мы используем термин „организация“, — пишет Рихтер, — в смысле институции..., учрежденной и управляемой определенными акторами для достижения общей цели»<sup>46</sup>. Это справедливо, поскольку институция всегда организуется. Р. Мэтьюз отмечает, что «слово „институция“ иногда используется в совершенно другом смысле, означая организацию», но он сам не употребляет его в этом значении, «хотя может возникнуть

---

<sup>40</sup> Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов: от робинзонады до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ, 2006. С. 327.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> Болдырев И. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7. С. 104.

<sup>43</sup> Фуруботи Э. Г., Рихтер Р. Указ. соч. С. 11.

<sup>44</sup> Тамбовцев В. Л. Формальное и неформальное в управлении экономикой. М.: Экономика, 1990. С. 7.

<sup>45</sup> Портер М. Конкуренция между местами размещения бизнеса: глобальная стратегия как способ обеспечения конкурентного преимущества // Курс МВА по стратегическому менеджменту / Под ред. Л. Фаэя, Р. Рэнделла. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 149.

<sup>46</sup> Richter R. On the New Institutionalism of Markets: The Market as an Organization. [www.isnie.org/ISNIE06/Papers06/06.3/richter.pdf](http://www.isnie.org/ISNIE06/Papers06/06.3/richter.pdf). P. 4.

обстоятельство для рассмотрения организации как состоящей из набора институций»<sup>47</sup>.

Следует по достоинству оценить усилия Норта, связанные с разграничением понятий «институция» (а не «институт», как в русском переводе его книги) и «организация». Важно, что благодаря авторитету лауреата Нобелевской премии это практически удалось сделать в англоязычной научной речи, хотя и в ущерб четкости определений. Норт прибег к метафоре, в результате чего институции превратились у него в «правила игры», а организации — в «игроков»<sup>48</sup>. Конечно, такой способ определения понятий трудно признать строго научным и эвристическую ценность подобных метафор еще предстоит уяснить. Данное упрощение быстро обрело популярность и закрепилось в статусе научной традиции. Так, меморандум Нобелевского комитета по поводу присуждения премии в области экономики 2009 г. институционалистам О. Уильямсону и Э. Остром начинается со следующего определения: «Институции [*institutions*] — это наборы правил, управляющих человеческими взаимодействиями»<sup>49</sup>. Наряду с этим, по замечанию Ф. Фукуямы, «экономическая литература запутывает вопрос, применяя слово *institutions* = учреждения — как к официальным, так и к неофициальным правилам построения индивидуального выбора»<sup>50</sup>.

Но, поскольку «игроки» действуют на основе «правил», значит, организации функционируют на основе институций, осуществляемых их агентами. В этом состоит главное теоретическое следствие из концепции Норта, а осуществленное им нестрогое разграничение рассматриваемых понятий, безусловно, требует более четких дефиниций. «Игроки» могут быть представлены как индивидуальные и ассоциированные агенты хозяйственной деятельности, а «правила игры» — как установленные или сложившиеся способы выполнения ими социально закрепленных функций.

Нельзя согласиться с утверждением Попова и Сергеева о том, что «четкое общее определение институтов как правил или норм — первый необходимый шаг в построении категориального аппарата институциональной теории»<sup>51</sup>. Действительно, «определение это откровенно абстрактное, формальное, абсолютно внешнее по отношению к экономической реальности»<sup>52</sup>. Ведь если считать институтами любые действующие в экономике и обществе нормы, то логично относить к институтам нормы времени и выработки, провоза багажа, высева семян и осушения, радиационной безопасности, прибыли и рентабельности и т. д. Слабо помогает попытка некоторых ученых трактовать институты как «правила поведения, то есть как регулятивные принципы, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные способы действия»<sup>53</sup>,

<sup>47</sup> Matthews R. C. O. The Economics of Institutions and The Sources of Growth // The Economic Journal. 1986. Vol. 96. P. 904.

<sup>48</sup> См.: Норт Д. Указ. соч. С. 18–19.

<sup>49</sup> nobelprize.org/nobel\_prizes/economics/laureates/2009/ecoadv09.pdf. P. 1.

<sup>50</sup> Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 58.

<sup>51</sup> Попов Е., Сергеев А. Указ. соч. С. 106.

<sup>52</sup> Московский А. Указ. соч. С. 111.

<sup>53</sup> Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 10.

относя к ним тем не менее банки, страховые компании и пенсионные фонды<sup>54</sup>, равно как права собственности и свободную цену, но при этом пытаясь подчеркнуть «фундаментальность правил и их отличие от организационных структур»<sup>55</sup>. Таким образом, предмет экономического институционализма волонтаристски то расширяется до масштабов общественного бытия, то сужается до внешних правовых форм его проявления.

Этимологически слово «институт» (от лат. *institutum*) означает установление, учреждение и организацию, посредством которых институты реализуются, то есть осуществляются сами эти специфические общественные функции или им обучают, передают их новым агентам. В этом состоит *эволюционная роль институтов как «твердых структур» в хозяйственных системах в отличие от «мягких» институций*, которые, только «затвердев», передаются и сохраняются. Пока что к институтам конвенционально допускается относить любые устойчивые формы общественных отношений, игнорируя их функциональную, структурную и генетическую специфику. Доказательство различия институтов и институций позволяет преодолеть тенденцию *искусственного удвоения институтов*, когда ими параллельно считают предпринимательство и предприятие, кредит и банк, страхование и страховое агентство, трейдинг и биржу, науку и университет, инновационный бизнес и венчурный фонд, фермерство и ферму, земство и Земский собор, христианство и церковь и т. д.

Институты нужно понимать как сложные факторы производства, представляющие собой видовые комплексы взаимодействия институций и организаций, которые закрепляют эффективные институты в рамках общественной системы. Институты — *это типовые комплексы институций*, выступающие функциональными генотипами организаций, эволюционно сложившимися моделями их функциональной структуры. Каждый институт располагает уникальным составом институций, обеспечивающим возможность разнообразных форм организации человеческой деятельности. *Институт* закрепляет *видовой статус организаций*. Поэтому к институтам следует относить «армию, но не воинскую службу в целом, церковь, но не религию, семью, но не брак, предприятие, но не малый или крупный бизнес, налоговую инспекцию, но не систему налогообложения и т. д.»<sup>56</sup>, дифференцируя социальные формы функции и структуры хозяйственной деятельности, которые в реальности всегда предстают целостной системой.

Едва ли для наименования института можно использовать ключевую норму („институт банкротств“) или ключевой объект („институт семьи“)<sup>57</sup>. Если семья — это институт, то банкротство — институция. Обозначение явления по его ключевым элементам трудно считать в полном смысле научным, ведь с позиций системного подхода в качестве критерия наименования институтов могут фигурировать также ключевые

---

<sup>54</sup> См.: Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Указ. соч. С. 17.

<sup>55</sup> Там же. С. 10.

<sup>56</sup> Белоусов В. М. Откуда есть пошел русский институционализм? (О книге О. В. Иншакова и Д. П. Фролова «Институционализм в российской экономической мысли»: В 2 т. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 1. С. 178.

<sup>57</sup> Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 19.

субъекты, функции, процессы, продукты или эффекты. Названия институтов, на наш взгляд, целесообразно однозначно связать с видовым статусом соответствующих организаций, например, предприятие, семья, церковь, партия, парламент, банк, биржа, университет, казначейство, семья, таможенная служба, страховое общество, инвестиционный фонд и т. д. Следовало бы в научных текстах использовать понятие «институт» именно для обозначения организаций определенного функционального вида. Переводить его на английский язык допустимо и как *institution* (в значении *a type of established organizations*) во избежание непонимания со стороны зарубежных коллег. Как отмечают Р. Джессоп и К. Нильсен, «мы зарезервировали бы понятие „институция“ и для обозначения надорганизационных (*supraorganizational*) институций»<sup>58</sup>, то есть для институтов по предлагаемой нами концепции.

Именно в этом смысле в своей книге 1988 г. использовал понятие институции Ходжсон, понимая ее как социальную организацию, «которая посредством традиции, обычая или правовых ограничений формирует долговременные рутинизированные схемы поведения»<sup>59</sup>. К сожалению, впоследствии ученый отошел от такого понимания и вульгаризировал определение институций до «системы социальных правил», придя к выводу, что «языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) — все это институты (читай — институции. — *О. И., Д. Ф.*)»<sup>60</sup>. Но институты не сводятся к нормам и правилам. Двигаясь от внешних форм проявления к содержанию, институты можно рассматривать как системы социальных *правил и норм* взаимодействия агентов, объединенных в устойчивую *структуру* на основе эффективного разделения *функций* в процессе совместной *деятельности*.

Воспроизводимые экономическими организациями институции в свою очередь структурируются, что ведет к формированию органов как институционально специализированных подразделений организаций, то есть относительно обособленных в их рамках внутренних структур, осуществляющих отдельные системные функции. Если в функциональном аспекте экономические организации — это системы институций, то в структурном — это комплексы взаимодействующих органов.

Понятие органа в институциональной экономической теории пока не прижилось, хотя именно органы образуют институциональные структуры во внутренней среде фирм. При институциональном анализе организаций мы имеем дело с комбинациями институций, а в случае органов — с выделенными, конкретными, частичными или общими для организации функциями<sup>61</sup>.

Если органы возникают в ходе онтогенеза (индивидуального развития) конкретных экономических организаций, то институты фор-

<sup>58</sup> *Jessop R., Nielsen K. Institutions and Rules / Research Papers, Network Institutional Theory. 2003. № 11/03. eprints.lancs.ac.uk/197/1/H-2003b\_Jessop-Nielson03.pdf. P. 3.*

<sup>59</sup> *Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 37.*

<sup>60</sup> Там же. С. 11–12.

<sup>61</sup> Интересно, что орган как категория институционализма имеет длительную историю: Б. Шаванс отмечает, что Г. Шмоллер проводил анализ исторического развития национальных хозяйств в аспекте институций и органов (*institutions and organs*) (*Chavance B. Institutional Economics. L.; N. Y.: Routledge, 2009. P. 4.*)

мируются в процессе филогенеза глобальной экономической системы, закрепляя результаты эволюции видового многообразия хозяйственных структур. Если организации — это системы коллективного действия, то соответствующие им институты — особые формы сверхколлективной субъектности. Следовательно, изучение институтов хозяйства и общества предполагает абстрагирование от очевидных фенотипических различий соответствующих им конкретных организаций.

Предлагаемый вариант логики взаимосвязи базовых понятий институционализма выгодно отличается от нортковской дихотомии «игроки — правила игры». Преимущества предлагаемых терминологических уточнений состоят, на наш взгляд, в следующем. Уровень дифференциации категориальной (как и любой другой) системы есть главный критерий ее развития<sup>62</sup>. Разграничение институций и институтов дает возможность системно представить единство форм экономических отношений — функциональных (институции), структурных (организации), онто- и филогенетических (соответственно органы и институты). Появляется возможность преодолеть тенденции схоластики и вульгаризации институциональной экономической теории, в основе которых лежат полисемантичесность понятия «институт» и нечеткое категориальное отражение институциональной реальности.

### **Будущее институционализма: синтез и эндогенизация**

Современный экономический институционализм представлен гетерогенным множеством внутренних течений и предметных «ответвлений», поэтому проблема самоидентификации остается для него крайне актуальной. Единой институциональной экономической теории пока не существует, но и предлагаемые классификации «институционализмов» остаются дискуссионными.

Наиболее часто они строятся на дуализме «старого» и «нового» этапов исторического развития данного научного направления. Раннему (*old/original*) институционализму традиционно противопоставляются «новый» (*new*) и «неоинституционализм» (*neoinstitutionalism*), которые часто отождествляются<sup>63</sup>. Такой подход формально выдержан в соответствии с диалектической логикой: фактически неоклассическая *economics* рассматривается как *тезис*, а критиковавший ее представителей за формализм «старый» институционализм — как *антитезис*; «новый» или неоинституционализм выступает *синтезом*, интегрирующим их методологические черты. Российскими учеными признается «условность определения данного направления как нового институционального, что отражает нынешнее состояние конвенций в экономической теории»<sup>64</sup>, причем не в России, а в западных странах. Так, по мнению В.

---

<sup>62</sup> См., напр.: Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.

<sup>63</sup> См.: Нуреев Р. М. Эволюция институциональной теории и ее структура // Институциональная экономика: учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005; Московский А. Указ. соч. С. 113

<sup>64</sup> Нуреев Р. М. Указ. соч. С. 17.

Тамбовцева, это течение представляет собой «не что иное, как исследовательскую программу изучения институтов (не только экономических!) средствами и методами неоклассической экономической теории»<sup>65</sup>.

Более детализированная и реалистичная попытка эволюционной классификации институциональных течений предпринята А. Олейником. Она основана на сочетании двух дихотомий — исходно неоклассики и «старого» институционализма, из противостояния которых вырастает «дерево» современной институциональной экономической теории: «Его ствол образуют два направления — неоинституциональная экономика (*neoinstitutional economics*) и новая институциональная экономика (*new institutional economics*). Несмотря на кажущуюся идентичность названий, речь идет о принципиально различных парадигмах в анализе институтов»<sup>66</sup>.

В случае неоинституционализма можно говорить, словами А. Шаститко, «лишь о модификации неоклассической исследовательской программы»<sup>67</sup>, поскольку неизменным остается ее «твердое ядро», включающее аксиоматику и базовые методологические принципы. Напротив, новая институциональная экономика «отражает попытку создать новую теорию институтов, не связанную с прежними постулатами неоклассики»<sup>68</sup>. Следует учесть возражение о том, что «если в качестве точки отсчета выбрать неоклассическую теорию, которая одновременно определяется как ортодоксальная, то новая институциональная экономическая теория — модификация неоклассической исследовательской программы, а традиционный институционализм — [характеризуется] новой исследовательской программой (по крайней мере, в проекте)»<sup>69</sup>. Таков современный институционализм: потенциал огромен, но классификации запутаны, понятия «смещены», а тенденция к вульгаризации все очевиднее.

Конечно, деление институциональных теорий на «старые» и «новые» представляет собой лишь первое приближение к содержательной классификации внутренних течений институционализма, отражая хронологию их возникновения. Пока спецификация предмета и метода этих «ответвлений» недостаточна для понимания их специфики и места в общей системе. При этом не наблюдается и единства во взглядах на позиционирование самого институционализма в современной экономической науке: одни исследователи представляют его как расширенную неоклассическую теорию, другие активно полемизируют с такой позицией.

На наш взгляд, к началу XXI в. произошла эволюционная дифференциация экономического институционализма. В результате сформировались *три основных течения*:

<sup>65</sup> Тамбовцев В. Л. Новая институциональная экономическая теория: проблемы преподавания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2, № 2. С. 28.

<sup>66</sup> Олейник А. Н. Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 30. Эту позицию полностью разделяют Попов и Сергеев (см.: Попов Е., Сергеев А. Указ. соч. С. 108).

<sup>67</sup> Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 2002. С. 34.

<sup>68</sup> Олейник А. Н. Указ. соч. С. 30.

<sup>69</sup> Шаститко А. Е. Указ. соч. С. 33.

— либеральное (неоинституционализм), полностью базирующееся на неоклассической методологии и применяющее ее к исследованию различных экономических и социальных институтов в духе парадигмы «экономического империализма»;

— радикальное (традиционный институционализм), развивающее методологические традиции раннего, чуждого неоклассике институционализма Веблена—Коммонса в русле идей эволюционной экономики;

— умеренное («новый» институционализм), опирающееся на модифицированную с помощью аппарата теорий трансакционных издержек и контрактов версию «твердого ядра» неоклассики в целях математической формализации институциональных отношений.

Эволюционная перспектива взаимодействия этих течений — «институциональный синтез» на основе формирования единой методологической и категориальной базы (см. рис.). В современных условиях «необходимо не столько развивать институционализм как таковой, сколько синтезировать определенные элементы институционалистского, марксистского и посткейнсианского анализа»<sup>70</sup>. Это отвечает реалиям поступательной конвергенции неоклассического, институционального и эволюционного подходов в экономической науке<sup>71</sup>. Закономерно появляются исследования, уверенно совмещающие неоинституциональный и посткейнсианский подходы<sup>72</sup>, предпринимаются попытки объединить теории Норта и Уильямсона<sup>73</sup>. Кроме того, важно обеспечить синтез институциональной, организационной и информационной экономики<sup>74</sup>, а в долгосрочной перспективе перейти к интеграции исследований «физических» (трансформационных) и «социальных» (трансакционных) технологий в рамках синтетической эволюционной теории<sup>75</sup>.

#### Эволюционное «дерево» экономического институционализма

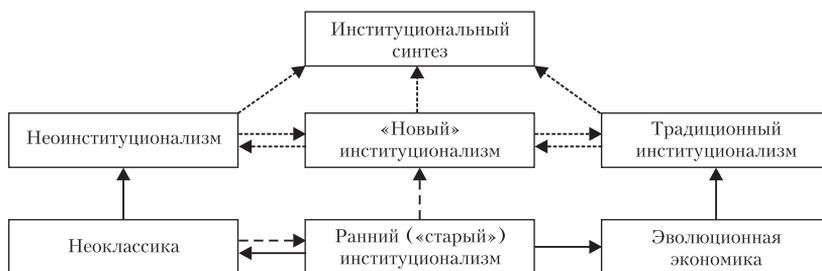


Рис.

<sup>70</sup> Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты... С. 55.

<sup>71</sup> См.: Клейнер Г. Б. Рост через интеграцию (о международной конференции «Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения», Москва, ГУУ, 17–18 ноября 2009 г.) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 190.

<sup>72</sup> См., напр.: Скоробогатов А. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неоинституционально-посткейнсианский анализ // Вопросы экономики. 2006. № 8.

<sup>73</sup> Маслов Д. К., Семенова М. В., Юдкевич М. М. Семинар по институциональной экономике Института Рональда Коуза // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8, № 2. С. 153–154.

<sup>74</sup> См.: Иншаков О. В. О необходимости развития эволюционного подхода в экономической науке современной России // Экономическая теория: истоки и перспективы. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 2006. С. 85.

<sup>75</sup> См.: Nelson R. R. Bringing Institutions Into Evolutionary Growth Theory // Journal of Evolutionary Economics. 2002. Vol. 12, No 1–2. P. 26.

Фрагментированность современного институционализма обусловлена как укоренившимися методологическими конвенциями, так и продолжающейся дифференциацией предметной области исследований. Заметим, что для отечественных институционалистов не характерна четкая самоидентификация с определенным «ответвлением» этого научного направления, например, с социально-конструктивистским, когнитивным или конфликтным подходом, новой институциональной экономикой определенного типа и т. д.<sup>76</sup> Возможно, в чем-то прав Московский, считая, что такое единство «больше похоже на синкретизм первоначального незрелого состояния или на откровенную эклектику и поэтому... диктует необходимость сначала „размежеваться“, а уж потом говорить о возможности „органического единства“»<sup>77</sup>. Эволюция российского институционализма исходно проявляется в форме неразвитого тождества, которое создает основу для дифференциации направлений исследований не по идеологическим, а по подлинно научным принципам. Альтернативные течения зарубежного институционализма складывались в ходе длительной эволюции, но разделение их на «старые», «новые» и «нео-» бессодержательно и ненаучно, это, скорее, рекламный трюк. Ошибочно пытаться бездумно копировать их и искусственно развивать в России.

Несмотря на все трудности, переживаемые отечественным научным сообществом, «с точки зрения американских исследователей представители российской институциональной экономики в определенном смысле обладают возможностями, которых нет у их коллег в западных странах»<sup>78</sup>. Помимо богатейшего эмпирического материала продолжающихся институциональных трансформаций, эти возможности следует связать и с «нерасчлененностью» внутренних течений российского экономического институционализма, с отсутствием взаимного дистанцирования представителей разных школ институциональной теории. Важно не «размежевание» российских институционалистов по школам и течениям, а *углубление предметной дифференциации исследований*.

Многие кажущиеся неразрешимыми общие вопросы теории и методологии институционализма все еще не находят ответов и требуют *выявления всеобщих законов, присущих институциональной форме движения реальности*. Укрепление методологического фундамента институциональной экономики позволит перейти и к новой парадигме междисциплинарных исследований на основе общности и совместимости базовых категорий, а также взаимного стимулирования разработок и обогащения их результатов с помощью специфических понятий и методов отдельных наук о природе, хозяйстве и обществе. В перспективе это создаст мощный импульс унификации категориального аппарата институциональной теории и конвергенции методологических «платформ», что приведет к качественно новым и, возможно, неожиданным научным результатам.

<sup>76</sup> См.: *Nielsen K.* Review of Institutional Approaches in the Social Sciences: Typology, Dialogue, and Future Prospects // *Journal of Economic Issues*. 2001. Vol. 35, No 2; *Poirot C. S. Jr.* Whither the NIE // *Journal of Economic Issues*. 2002. Vol. 36, No 2.

<sup>77</sup> *Московский А.* Указ. соч. С. 112.

<sup>78</sup> *Маслов Д. К., Семенова М. В., Юдкевич М. М.* Указ. соч. С. 154.